

Николай Лесков

Чёртовы куклы

Николай Лесков

Чёртовы куклы

«Public Domain»

1890

Лесков Н. С.

Чёртовы куклы / Н. С. Лесков — «Public Domain», 1890

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	7
Глава третья	9
Глава четвертая	11
Глава пятая	13
Глава шестая	16
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Чертовы куклы

Главы из неоконченного романа

Глава первая

В начале истекающего девятнадцатого столетия в одной семье германского происхождения родился мальчик необыкновенной красоты. Он был так хорош, что в семье его не звали его крестным именем, а называли его Фебо-фис или Фебуфис, то есть сын Феба. Это имя так ему пристало, что он удержал его за собою в школе, а потом оно осталось при нем во всю его жизнь. С возрастом оказалось, что при телесной красоте ребенок был осчастливлен замечательными способностями: он прекрасно учился наукам и рано обнаружил дар и страсть к живописи.

Отец Фебуфиса занимался крупными торговыми операциями и имел обеспеченное состояние. Он хотел, чтобы сын шел по его же дороге, и потому не был обрадован его художественными склонностями, но мать ребенка, женщина очень чувствительная и поэтическая, не любила прозаических торговых занятий мужа и настояла, чтобы Фебуфис получил возможность следовать своим художественным влечениям.

Мать питала несомненную уверенность, что сына ее ожидает слава, и она отчасти не ошиблась.

Отец уступил желаниям сына, поддерживаемым настойчивостью матери, и Фебуфис поступил в высшую художественную школу, сначала в том городе, где жили его родители, а потом перешел для усовершенствования в Рим, где на него вскоре же стали указывать как на самого замечательного из современных живописцев.

С течением времени на него обращали внимания больше и больше, и он вскоре стал пользоваться такою известностью, которая уже довольно близко граничила со славой. Были основания верить, что невдалеке его ожидает и настоящая слава. Характер у него был веселый, немножко заносчивый и дерзкий со старшими, но беспечный и общительный в сношениях с сверстниками, между которыми молодой человек имел друзей. Особенно дружны были с ним два молодых живописца, прозванные в своем кружке Пиком и Маком. Оба эти молодые люди были разных национальностей и несходного нрава, но находились в теснейшей приязни и никогда почти не разлучались. За то их и прозвали Пик и Мак – по детской игре: «где Пик, там Мак, – Пик здесь – Мак здесь, – Пика нет, и Мака нет». Мак был крупный брюнет с серьезным, даже несколько суровым и задумчивым лицом, а Пик – розовая белокурая крошка, с личиком из тех, которых зовут «овечью мордочкой». Мак был мыслитель – его занимали общественные вопросы: он скорбел о человеческих бедствиях и задумывался над служебными целями искусства, а Пик смотрел на жизнь в розовые стекла и отрицал в искусстве все посторонние цели, кроме самой красоты; притом Пик любил и покутить, но только, несмотря на его неразборчивость, он почти никогда не имел удачи, а Мак был само целомудрие и обладал всеми шансами на успехи, но он их не добивался. Пик находил почти всех женщин очень милыми, а Мак смотрел на всех равнодушно и все надеялся когда-нибудь увидеть одну заповедную женщину по своим мыслям. Она должна была обладать красотой духовной более, чем телесною, – во всяком случае она непременно должна была иметь над ним многие нравственные превосходства, особенно в деликатности чувств, в тонком ощущении благородства, чести и добра. Она должна была не отделять его от мира, как любят делать многие женщины, а роднить его с высшим миром. Если случалось, что Пику и Маку нравилось одно и то же, то оно непременно нравилось им с разных сторон. Им, например, обоим нравился Дон Жуан, и они оба оправдывали байроновского героя, но совершенно с различных сторон: Пик находил, что переменить привязанности очень весело, а Мак любил Жуана за то, что он открывал во всех любивших его

женщинах обман и не хотел довольствоваться фальсификацией чувства. Несмотря на такое несходство во взглядах, Пик и Мак были, однако, очень дружны: Пик уважал в Маке его думы и даже заботы о служебных задачах искусства, а Мак любил в Пике искренность, с какою он восхищался каждым дарованием, кроме своего собственного. Оба они жили вместе, не богато и не бедно, как жило в то время множество людей их среды.

Фебуфиса отыскал Пик и сказал нелюдимому Маку:

– Пойдем посмотрим человека с большим дарованием.

– В чем же он проявил свои дарования?

– Прекрасно пишет.

– Что же он пишет? – спросил Мак.

– Все.

– Все?.. Это много. Пойдем и посмотрим все.

– Да, а вот ты можешь научить его выбирать лучшее.

Они пошли и подружались сразу.

Глава вторая

У Фебуфиса не было недостатка в фантазии, он прекрасно сочинял большие и очень сложные картины, рисунок его отличался правильностью и смелостью, а кисть его блистала яркою колоритностью. Ему почти в одинаковой степени давались сюжеты религиозные и исторические, пейзаж и жанр, но особенно пленяли вкус и чувство фигуры в его любовных сценах, которых он писал много и которые часто заходили у него за пределы скромности.

В последнем роде он позволял себе большие вольности, но грация его рисунка и живая прелесть колоритного письма отнимали у этих произведений впечатление скабрёзности, и на выставках появлялись такие сюжеты Фебуфиса, какие от художника меньших дарований ни за что не были бы приняты. С другой же стороны, соблазнительная прелесть картин этого рода привлекала к ним внимание самой разнообразной публики и находила ему щедрых покупателей, которые не скупились на деньги.

Таким образом росло его имя, и он получал такой значительный заработок, что уже не только не требовал никакой поддержки от родителей, но когда отец его умер и дела их пошатнулись, то Фебуфис уступил свою долю отцовского наследства брату и сестре и стал присылать значительные суммы нежно любимой матери.

Пик всему этому шумно радовался, а Мак серьезно молчал, или, когда Пик очень надо-едал ему своими восторгами и восклицал:

– О, до чего он может достичь!

Мак отвечал:

– До всего; я боюсь, что он до чего хочешь достигнет.

– Нет, с кем его можно сравнить?

– С Ван-дер-Пуфом, – отвечал Мак.

Ван-дер-Пуф было шуточное прозвание для тех, кто, подавал большие надежды с сомнительными последствиями.

Пик за это сердился и находил, что Фебуфис похож на Луку Кранаха, которого он очень любит и имеет некоторые его свойства.

– В чем же это проявляется? – спрашивал Мак.

– В даровании, в смелом характере и в уменье гордо держать себя с великими мира.

Мак отвечал, что лучшее уменье держать себя с теми, кто почитает себя великими мира, – это стараться не входить с ними ни в какие сношения.

– А если это нельзя?

– Ну, тогда быть от них как можно дальше.

– Э, брат, это сочтут за робость и унижение.

– Поверь, что в этом только есть настоящее величие, которое и они сами чувствуют и которое одно может уязвлять их пустую надменность.

– Ну, ты, Мак, ведь аскет. Этак жить, так нельзя будет сделать ничего достойного в мире.

А Мак, наоборот, думал, что так только и можно что-нибудь сделать самое достойное.

– А именно что?

– Прежде всего сберечь свое *достоинство*.

– Ты все о своем достоинстве – все только о том, что для себя.

– Нет, сохранение «достоинства» – это не «только для себя», а это потом пригодится и для других.

Студию Фебуфиса искали посещать самые разнообразные путешественники, но достигали этого не все, кто хотел. Он допускал к себе только или известных знатоков и ценителей искусства, или людей высокого положения, внимание которых ему льстило и которым он по преимуществу продавал свои картины для их музеев и палатц, и всегда за дорогую цену.

Но и при этом он давал еще много произвола своим художественные прихотям и капризам, очень часто доводимым им до непозволительной дерзости и пренебрежения к сану и светскому положению своих важных посетителей. Он продавал им часто не то, что они желали бы у него приобрести, а то, что он сам соглашался уступить им, всегда с затаенным и мало скрываемым намерением заставить их иметь перед собою сюжет, который мог служить им намеком, попреком или неприятным воспоминанием.

Пик находил это прекрасным и художественным, а Мак называл фиглярством.

Произведения Фебуфиса были в моде, а притом же тогда было в моде и потворство капризам художников, и потому сколько-нибудь замечательным из них много позволяли. Люди самые деспотичные и грозные, требовавшие, чтобы самые ученые и заслуженные люди в их присутствии трепетали, сносили от художников весьма часто непозволительные вольности. Художников это баловало, и не все из них умели держать себя в пределах умеренности и забывались, но, к удивлению, все это им сходило с рук в размерах, непонятных для нынешнего реального времени.

Особенно они были избалованы женщинами, но еще больше, пожалуй, деспотами, которые отличались своею грозностью и недоступностью для людей всех рангов и положений, а между тем даже как будто находили удовольствие в том, что художники обращались с ними бесцеремонно.

Такое было время и направление.

Фебуфис как первенствовал между собратиями в искусстве, так же отличался смелостью и в художественных фарсах и шалопайствах. У него было много любовных приключений с женщинами, принадлежавшими к самым разнообразным слоям в Риме, но была и одна привязанность, более прочная и глубокая, чем другие. Эта любовь была замечательно красивая бедная девушка-римлянка, по имени Марчелла. Она любила красавца иностранца без памяти и без всякого расчета, а он и ее ценил мало. Он был больше всего занят тем, что с успехом соперничал с модным кардиналом в благорасположении великосветских римлянок и высоко-рожденных путешественниц или, наскучив этим, охотно пил и дрался кулаками в тавернах за мимолетное обладание тою или другою из тамошних посетительниц. По первой категории подвиги его восходили до дуэлей, угрожавших ему высылкою из тогдашней папской столицы, а по второй дела кончались потасовками или полицейским призывом к порядку, что тоже тогда в художественном мире не почиталось за дурное и служило не в укор, а, наоборот, слыло за молодечество.

Глава третья

Сказано, что между любовными историями Фебуфиса была одна, которая могла его кое к чему обязывать. Это то самое, что касалось красивой и простосердечной римской девушки по имени Марчелла. Она была безвестного происхождения и имела престарелую мать, которую с большим трудом содержала своею работой, но замечательная красота Марчеллы сделала ей большую известность. Не один Фебуфис был пленен этою красотой – молодой, тогда еще малоизвестный патриот Гарибальди на одном из римских празднеств тоже подал Марчелле цветок, сняв его со своей шляпы, но Марчелла взяла цветок Гарибальди и весело перебрала его Фебуфису, который поймал его и, поцеловав, приколот к своей шляпе. Гарибальди видел это, послал им обоим поцелуй и крикнул: «Счастливого успеха влюбленным!» Сближение их было очень быстро и оригинально. Расположения Марчеллы искали многие, и в числе претендентов на ее руку были и богатые люди: в числе таких был один пармезанец. Марчелла его не любила, но мать ее указывала на свое нездоровье и преклонные годы, требовала от дочери «маленькой жертвы». Марчелла согласилась на жертву и сделалась невестой, но под самый день свадьбы пошла помолиться Мадонне и безотчетно постучалась в дверь Фебуфиса. Сюда привела ее нестерпимая любовь, с которою она напрасно боролась, и она вышла отсюда только через несколько дней и пошла к пармезанцу сказать, что уже не может быть его женою. Но Фебуфис, как многие баловни женщин, не хотел оценить лучше других поступок Марчеллы и скоро охладил к ней, как к прочим. Эта победа только вплела новый листок в его любовные лавры, а Марчеллу познакомила с чувствами матери. Пик был этим смущен, а Мак оскорблен и разгневан: он перестал говорить с Фебуфисом и не стал давать ему руку.

– Это слишком уж строго, – говорил Пик.

Мак на это не отвечал, но, встретив однажды Марчеллу, сказал ей:

– Как ты живешь нынче, добрая и честная Марчелла?

– Ты меня называешь *доброю!*

– И честною.

– Спасибо; я живу не худо, – отвечала Марчелла. – С тех пор как у меня есть дитя, я работаю вдвое и, представь себе, на все чувствую новые силы.

– Но ты исхудала.

– Это скоро пройдет.

– А ты мне скажи... только скажи откровенно.

– О, все, что ты хочешь... Я знаю тебя – в тебе благородное сердце.

– Согласись быть моею женою.

– Женою?.. Спасибо. Я знаю, что ты благороден и добр... Женою!.. Нет, милый Мак, я уже никогда не буду ничьею женою.

– Почему?

– Почему? – Марчелла покачала своею красивою головой и отвечала: – Я ведь люблю! Разве ты хочешь, чтобы между нами всегда был третий в помине? Нет, милый Мак, я любила, и это останется вечно. Полюби лучше другую.

Но благородство и гордость Марчеллы были подвергнуты слишком тяжелому испытанию: мать ее беспрестанно укоряла их тяжкою бедностью, – ее престарелые годы требовали удобств и покоя, – дитя отрывало руки от занятий, – бедность всех их душила. О Марчелле пошли недобрые слухи, в которых имя доброй девушки связывалось с именем богатого иностранца. К сожалению, это не было пустою басней. Марчелла скрывалась от всех и никому не показывалась. Пик и Мак о ней говорили только один раз, и очень немного. Пик сказал:

– Слышал ты, Мак, что говорят о Марчелле?

– Слышал, – отвечал Мак, сидя за мольбертом.

– И что же, ты этому веришь или не веришь?

– Верю, конечно.

– Почему же конечно? Ты ведь был о ней всегда хорошего мнения.

Мак отошел от мольберта, посмотрел на свою картину и, помедлив, сказал:

– Я о ней и теперь остаюсь хорошего мнения.

Теперь Пик помолчал и потом спросил:

– Разве она не могла поступить лучше?

– Не знаю, может быть и не могла.

– Значит, у нее нет воли, нет характера?

– Ты спроси об этом того, кто устроил испытание для ее воли и характера.

– Но она могла выйти замуж?

– Не любя?

– Хотя бы и так.

– Или... быть может, даже любивши другого?

– Ну, и все было бы лучше.

– Может быть, только она тогда не была бы тою Марчеллой, которая стояла бы моего лучшего мнения.

– А теперь?

– Из двух зол она выбрала то, которое меньше.

– Меньше!.. Продать себя... это ты считаешь за меньшее зло?

– Не себя.

– Как не себя? Неужто этот богач ездит к ней читать с нею Петрарку или Данте?

– Нет; она продала ему свое прекрасное тело и, наверное, не обещала отдать свою душу.

Ты различай между я и мое: я – это я в своей сущности, а тело мое – только моя принадлежность. Продать его – страшная жертва, продать свою душу, свою правду, обещаться любить другого – это гораздо подлее, и потому Марчелла делает меньшее зло.

– Есть еще средство! – заметил Пик.

– Какое?

– Прекратить свою жизнь. Смерть лучше позора.

Мак сложил руки и сказал:

– Как? убить себя?.. Женщине убить себя за то, что ее бросили, и бросить на все мучения нищеты свою мать и своего ребенка?.. И ты это называешь лучшим? Нет, это не лучше. Лучше перенести все на себе и... Впрочем, иди лучше, Пик, читай уроки о чести другому, – мы о ней больше с тобою никогда не должны говорить.

– Хорошо, – отвечал Пик, – но ты мне никогда не докажешь...

– Ах, оставь про доказательства! Я никогда тебе и не буду доказывать того, что для меня ясно, как солнце, а ты знай, что доказать можно все на свете, а в жизни верные доказательства часто стоят менее, чем верные чувства.

В отношении Марчеллы Мак имел «верные чувства» и верно отгадывал, что двигало ее поступками. Другие о ней позабыли, – Фебуфис ею не интересовался. Он с той поры имел много других успехов у женщин, которые, помимо своей красоты, льстили его самолюбию, и вообще шел на быстрых парусах при слабом руле, который не правил судном, а предавал его во власть случайным течениям. В характере его все более обозначались признаки необузданности и своеволия. Успехи его туманили. Он становился капризен.

– Я хотел бы знать, чего он хочет? – говорил Пик.

– А я не хотел бы об этом знать, но знаю, – отвечал Мак.

– Чего же он хочет?

– Своей гибели, – и она будет его уделом.

Глава четвертая

Фебуфису было около тридцати лет, когда он сбыл с рук историю Марчеллы и потом в течение одного года сделал два безумные поступка: во-первых, он послал дерзкий отказ своему правительству, которое, по его мнению, недостаточно почтительно приглашало его возвратиться на родину, чтобы принять руководство художественными работами во дворце его государя; а во-вторых, произвел выходку, скандализовавшую целую столицу. Жена одного из иностранных дипломатов при папе уделила Фебуфису какую-то долю какого-то своего внимания и потом, – как ему показалось, – занялась кардиналом. Фебуфис вскипел гневом и выставил у себя в мастерской самую неприличную картину, вроде известной классической Pandora. На этом полотне он изобразил упомянутую красивую даму в объятиях знаменитого в свое время кардинала, а себя поставил близ них вместо сатира, которого отводит старуха со свечкой.

Картина эта представлялась забавною и едкою всем, кроме малоразговорчивого Мака.

– Твое целомудрие оскорблено моею *Пандорой*? – спросил его однажды вечером, сидя за вином, Фебуфис.

Мак прервал свое долгое молчание и ответил ему:

– Да, с этой поры я не перестану жалеть, чем ты способен заниматься.

– Способен!.. Как это глупо! Я способен заниматься всем... и я, наконец, не понимаю, почему иногда не позволить себе шалость.

– Ты называешь это шалостью?

– Конечно. А ты?

– По-моему, это низость, это растление других и самого себя.

– Так ты видишь здесь один цинизм?

– Нет, я вижу все, что здесь есть.

– Что же, например?

– Задор и вызов на борьбу людей, которых не стоит трогать.

– Отчего? Они стоят довольно высоко, и трогать их небезопасно.

– Ага! так тебе это доставляет удовольствие?

– И очень большое.

Мак тихо двинул плечами и, улыбнувшись, сказал:

– Я предпочел бы беречь свои силы, чем их так раскидывать.

– В таком случае все те, кто желает заслужить себе одобрение властей, имеют теперь отличный случай достичь этого, – стоит только обнаруживать пренебрежение *Пандоре*. Ты это делаешь?

Мак посмотрел на него пристальным взглядом и сказал:

– Ты не задерешь меня! Я не ссорюсь из-за пустяков и не люблю, когда ссорятся. Мне нет дела до тех, которые ищут для себя расположения у властей, но мне нравятся те, которые не задираются с ними.

– Ну, не хитри, Мак, ты – скрытый аристократ.

– Пожалуй, я – аристократ в том смысле, что я не хочу подражать слугам, передразнивающим у себя на застольной своих господ. Я совсем не интересуюсь этими... господами.

– Другими словами, ты бережешь себя для чего-то лучшего.

– Очень быть может.

Фебуфис ему насмешливо поклонился.

– Можешь мне и не кланяться, – спокойно сказал ему Мак.

И Мак, заплатив свои деньги, ушел ранее других из таверны.

Обе выходки Фебуфиса, как и следовало ожидать, не прошли даром: первая оскорбила правительство его страны, и Фебуфису нельзя было возвратиться на родину, а вторая подняла против него страшную бурю в самом Риме и угрожала художнику наемным убийством.

Фебуфис отнесся к тому и к другому с полным легкомыслием и даже бравировал своим положением; он ни с того ни с сего написал своему государю, что очень рад не возвращаться, ибо из всех форм правления предпочитает республику, а насчет картины, компрометировавшей даму и кардинала, объявил, что это «мечта живописца», и позволял ее видеть посетителям.

В это самое время по Европе путешествовал один молодой герцог, о котором тогда говорили, будто он располагал несметными богатствами. О нем тогда было очень много толков; уверяли, будто он отличался необыкновенною смелостью, щедростью и непреклонностью каких-то своих совершенно особенных и твердых убеждений, с которыми, долго ли, коротко ли, придется посчитаться очень многим. Это делало его интересным со стороны политической, а в то же время герцог слыл за большого знатока и ценителя разнообразных произведений искусства, и особенно живописи.

Высокий путешественник прибыл в Рим полуинкогнито из Неаполя, где все им остались очень довольны. Папский Рим ему не понравился. Рассказывали, будто он сказал какому-то дипломату, что «дело попов – молиться, но не их дело править», и не только не хотел принимать здесь никаких официальных визитов, но даже не хотел осматривать и многих замечательностей вечного города.

Властям, которые надеялись вступить с герцогом в некоторые сношения, было крайне неприятно, что он собирался отсюда ранее, чем предполагалось по маршруту.

Говорили, будто одному из наиболее любимых путешественником лиц в его свите был предложен богатый подарок за то, если оно сумеет удержать герцога на определенное по маршруту время. Это лицо, – кажется, адъютант, – любя деньги и будучи смело и находчиво, позаботилось о своих выгодах и сумело заинтересовать своего повелителя рассказом о скандальном происшествии с картиною Фебуфиса, которая как раз о ту пору оскорбила римских монахов, и о ней шел говор в художественных кружках и в светских гостиных.

Хитрость молодого царедворца удалась вдвойне: герцог заинтересовался рассказом и пожелал посетить мастерскую Фебуфиса. Этим предпочтением он мог нанести укол властным монахам, и от этого одного у него прошла хандра, но зато она слишком резко уступила место нетерпению, составлявшему самую сильную черту характера герцога.

Фебуфис входил в круг идей, для него посторонних, и неожиданно получил новое значение.

Глава пятая

Тот же самый адъютант, которому удалось произвести перемену в расположении высокого путешественника, был послан к Фебуфису известить его, что такая-то особа, путешествующая под таким-то инкогнито, желает завтра быть в его мастерской. Фебуфису показалось, что это сделано как будто надменно, и его характер нашел себе здесь пищу.

– Разве ваш герцог так любит искусство? – спросил он небрежно у адъютанта.

– Да, герцог очень любит искусство.

– И что-нибудь в нем понимает?

– Как вы странно спрашиваете! Герцог – прекрасный ценитель в живописи.

– Я слышал только, что он хороший покупатель.

– Нет, я говорю вам именно то, что и хочу сказать: герцог – хороший *ценитель*.

– Быть ценителем – это значит не только знать технику, но иметь понятия о благородных задачах искусства.

– Мм... да!.. Он их имеет.

– В таком разе вы повезите его к Маку.

– Кто этот Мак?

– Мак? Это мой славный товарищ и славный художник. У него превосходные идеи, и я когда-то пользовался его советом и даже начал было картину «Бросься вниз», но не мог справиться с этой идеей.

– *Бросься вниз?*

– Да... «Бросься вниз».

Гостю показалось, что хозяин над ним обидно шутит, и он сухо ответил:

– Я не понимаю такого сюжета.

– Позвольте усомниться.

– Я не имею привычки шутить с незнакомыми.

– «Бросься вниз» – это из Евангелия.

– Я не знаю такого текста.

– Сатана говорит Христу: «Бросься вниз».

Адъютант сконфузился и сказал:

– Вы правы, я вспоминаю, – это сцена на кровле храма?

– Вы называете это «сценою»? Ну, прекрасно, будь по-вашему: станем называть евангельские события «сценами», ко, впрочем, все дело в благородстве задачи. Обыкновенно ведь пишут сатану с рожками, и он приглашает Христа броситься за какие-то царства... По идее Мака выходило совсем не то: его сатана очень внушительный и практический господин, который убеждает вдохновенного правдолюбца только снизойти с высот его духовного настроения и немножко «броситься вниз», прийти от правды бега к правде герцогов и королей, войти с ним в союз... а Христос, вы знаете, этого не сделал. Мак думает, что у них шло дело об этом и что Христос на это не согласился.

– Да, конечно. Это тоже интересно... Но герцог вообще хочет видеть все ваши работы.

– Двери моей студии открыты, и ваш повелитель может в них войти, как и всякий другой.

– Он непременно желает быть у вас завтра.

– Непременно завтра?

– Да.

– В таком случае лучше пусть он придет послезавтра.

– Позвольте!.. Но почему же послезавтра, а не завтра?

– А почему именно непременно завтра, я не послезавтра?

– Нет, уж позвольте завтра!

– Нет, послезавтра!

Адъютант молча хлопнул несколько раз глазами, что составляло его привычку в минуты усиленных соображений, и проговорил:

– Что же это значит?

– Ничего, кроме того, что я вам сказал, – отвечал Фебуфис и, вспрыгнув на высокий табурет перед большим холстом, который расписывал, взял в руки кисти и палитру.

Все существо его ликовало и озарялось торжеством в самом его любимом роде: он мог глядеть свысока на стоявшего около него светского человека, присланного могущественным лицом, и, таким образом, унижал и посла и самого пославшего.

Адъютант не скрывал своего неприятного положения и сказал:

– Я не могу передать герцогу такого ответа.

– Отчего?

– Он не терпит отказов.

– Ну, нечего делать, потерпит.

– Он не согласится остаться здесь до послезавтра.

– Человек, который так любит искусство, согласится.

– Он назначил завтра вечером уехать.

– Он сам себе господин и всегда может отсрочить.

Адъютант рассмеялся и отвечал:

– Вы оригинальный человек.

– Да, я не рабская копия.

– Без сомнения, герцог может остаться везде, сколько ему угодно, но поймите же, что с ним не принято так обходиться. Ему нельзя диктовать.

– Значит, у него есть характер?

– И очень большой.

– Да, говорят, и я слышал, – это интересно! Так вот мы его испробуем: вы скажите ему, что так и быть, пушу его к себе, но только послезавтра.

– Прошу вас, оставьте это, маэстро!

– Не могу, господин адъютант, не могу, я тоже – рекомендуюсь вам – человек упрямый.

– На что вам его сердить?

– По совести сказать, ни на что, но мне теперь взошла в голову такая фантазия, и вы со мною, с позволения вашего, ни черта не поделаете, ради всех герцогов вместе и порознь.

– Вы дерзки.

– Хотите дуэль?

– Очень хотел бы, но, к сожалению, я теперь не могу принять дуэли.

– Почему?

– Конечно, не потому, что я не желаю вас убить или страшусь быть убитым, но потому, что я состою в свите такого лица, путешествие которого не должно сопровождаться никакими скандалами.

– Хорошо, не нужно дуэли, но я вам предлагаю пари.

– Какое? в чем оно состоит?

– Оно состоит вот в чем: мне кажется, будто я знаю вашего герцога больше, чем вы.

– Это интересно.

– Да, и я это утверждаю и держу пари, что если вы передадите ему то, что я вам сказал, то он останется здесь еще на день.

– Ни за что на свете!

– Вы ошибаетесь.

– Оставим этот разговор.

– А я вам ручаюсь, что я не ошибаюсь; он чудесно прождет до послезавтра, и я вам советую принять пари, которое я предлагаю.

– Я желал бы знать, в чем же будет заключаться самое пари?

– В том, что если ваш повелитель останется здесь на три дня, то вы без всяких отговорок должны исполнить то, что я закажу вам; а если он не останется, то я исполню любое приказание, какое вы мне дадите. Наши шансы равны, и даже, если хотите знать, я рискую больше, чем вы.

– Чем?

– Я не буду знать, точно ли вы передадите мои слова.

– Я передам их в точности, но, в свою очередь, я могу принять ваше условие только в том случае, если в заказе, который вы мне намерены сделать в случае моего проигрыша, не будет ничего унижительного для моей чести.

– Без сомнения.

– В таком случае...

– Вы принимаете мое пари?

– Да.

– Это прелестно: мы заключаем пари на герцога.

– Мне неприятно, что вы над этим смеетесь...

– Я не буду смеяться. Пари идет?

– Извольте.

– Я подаю вам мою руку с самыми серьезными намерениями.

– Я с такими же ее принимаю.

Молодые люди ударили по рукам, и офицер откланялся и ушел, а Фебуфис, проводив его, отправился в кафе, где провел несколько часов с своими знакомыми и весело шутил с красивыми служанками, а когда возвратился вечером домой, то нашел у себя записку, в которой было написано:

«Он остается здесь с тем, чтобы быть у вас в студии послезавтра».

Фебуфис небрежно смял записку и, улыбнувшись, написал и послал такой же короткий ответ. В ответе этом значилось следующее:

«Он пробудет здесь *три дня*».

Глава шестая

Следующий день Фебуфис провел, по обыкновению, за работой и принимал несколько иностранцев, которые внимательно осматривали его талантливые работы, а втайне всего более заглядывали на *Messaline dans la loge de Lisisca*, которая занимала большое и видное место. Картина во весь день не была задернута гобеленом, и ее видели все, кто посетил студию.

Потом Фебуфис был во всех тех местах, которые имел в обычае посещать ежедневно, но вернулся домой несколько ранее и, запершись дома с слугою, занялся приведением своей мастерской в большой порядок.

Семейство желчного, больного скульптора, обитавшее в нижнем жилье, которое находилось под ателье Фебуфиса, очень долго слышало шум и возню от передвижения тяжелых мольбертов. Можно было думать, что художник наскучил старым расположением своей мастерской или ему, может быть, пришла фантазия исполнить какую-нибудь новую затею с *Messaline dans la loge de Lisisca*.

Это так и было.

На следующий день догадки нижнего семейства подтвердились и разъяснились: тотчас после ранней сиесты мастерскую Фебуфиса посетил именитый путешественник в сопровождении двух лиц из своей свиты.

Один из них был престарелый, но молодящийся сановник, во фраке и с значительные количеством звезд. Он был первый советник герцога по всем делам, касающимся иностранных сношений, и занимал должность начальника этого ведомства. В числе звезд, украшавших его лацкана, были и такие, которых никто другой, кроме его, не имел. Старец носил превосходно взбитый на голове парик, блистал белейшими зубами и был подрисован и зашнурован в корсет. Лета его были неизвестны, но он держался бодро, хотя и вздрагивал точно под ударами вольтова столба. Чтобы маскировать это произвольное движение, он от времени до времени делал то же самое нарочно. В существе это была дипломатическая хартия, вся уже выцветшая, но еще кое-как разбираемая при случае. В нем была смесь джентльмена, маркиза и дворецкого, но утверждали, будто в делах он ловок и очень находчив. Другой при герцоге был тот самый молодой адъютант, с которым Фебуфис держал свое пари о «завтра и послезавтра».

Сам герцог и оба его провожатые были в обыкновенном партикулярном платье, в котором, впрочем, герцог держался совсем по-военному. Он был представительный и даже красивый мужчина, имел очень широкие манеры и глядел как человек, который не боится, что его кто-нибудь остановит; он поводил плечами, как будто на нем были эполеты, и шел легко, словно только лишь из милости касался ногами земли.

Взойдя в *atelier*,¹ герцог окинул все помещение глазами и удивился. Он как будто увидал совсем не то, что думал найти, и остановился посреди комнаты, насупив брови, и, оборотясь к адъютанту, сказал:

– Это не то.

Адъютант покраснел.

– Это не то, – повторил громко герцог и, сделав шаг вперед, подал художнику руку.

Фебуфис ему поклонился.

– А где же это?

Фебуфис смотрел с недоумением то на герцога, то на его провожатых.

– Я спрашиваю это... то, что у вас есть...

– Здесь решительно все, что может быть достойно вашего внимания.

– Но было еще что-то?

¹ Мастерскую – *Франц*.

– Кое-какой хлам... пустяки, недостойные вашего внимания.

– Прекрасно... благодарю, но я не хочу, чтобы вы со мною чинились: не обращайтесь внимания, что я здесь, и продолжайте работать, – я хочу не спеша осмотреть все, что есть у вас в atelier.

И он начал скоро ходить взад и вперед и вдруг опять сказал:

– Да где же, наконец, то?

– Что вы желаете видеть? – спросил Фебуфис.

– Что?

Герцог гневно метнул глазами и не отвечал, а его адъютант стоял переконфуженный, но статский сановник шепнул:

– Герцог хочет видеть ту картину... ту вашу картину... о которой все говорят.

– Ах, я догадываюсь, – отвечал Фебуфис и откатил подставку, на которой стояло обернутое лицом к стене полотно с новым многоличным историческим сюжетом.

– Не то! – вскричал герцог. – Что изображает эта картина?

– Она изображает знаменитого в шестнадцатом веке живописца Луку Кранаха.

– Ну?

– Он, как известно, был почтен большою дружбой Иоанна Великодушного.

– А что далее?

– Художник умел быть благороднее всех высокорожденных льстецов и царедворцев, окружавших Иоанна, и когда печальная судьба обрекла его покровителя на заточение, его все бросили, кроме Луки Кранаха.

– Очень благородно, но... что еще?

– Лука Кранах один добровольно разделял неволю с Иоанном в течение пяти лет и поддерживал в нем душевную бодрость.

– Хорошо!

– Да, они не только не унывали в заточении, но даже успели многому научиться и еще более возбудить свои душевные силы. Я на своей картине представил, как они проводили свое время: вы видите здесь...

– Да, я вижу, прекрасно вижу.

– Иоанн Великодушный читает вслух книгу, а Лука Кранах слушает чтение и сам пишет этюд нынешней знаменитой венской картины «Поцелуй Иуды»...

– Ага! намек предателям!

– Да, вокруг узников мир и творческая тишина, можно думать, что книга – историческая и, может быть, говорит о нравах царедворцев.

– Дрянь! – оторвал герцог. – Вы прекрасно будете поступать, если будете всегда карать эти нравы.

Фебуфис продолжал указывать муштабелем на изображение Кранаха и говорил с оживлением:

– Я хотел выразить в лице Кранаха, что он старается проникнуть характер предателя и проникает его... Он изображает Иуду не злым, не скупцом, продающим друга за ничтожную цену, а только узким, раздраженным человеком.

– Вот, вот, вот! Это прекрасно!

– Это человек, который не может снести широты и смелости Христа, вдохновенного мыслью о любви ко всем людям без различия их породы и веры. С этой картины Кранах начал ставить внизу монограмму сухого, тощего дракона в пятой манере.

– Помню: сухой и тощий дракон.

– Есть предание, будто он растирал для этого краску с настоящею драконовою кровью...

– Да... Но все это не то! – перебил его герцог. – Где же то?! Я хочу видеть вашу голую женщину!

- Голую женщину?
 - Ну да, голую женщину! – подсказал ему старый сановник.
 - Ту голую женщину, которая вчера была на этом мольберте, – подсказал с другой стороны адъютант.
 - Ах, вы это называете *то*?..
 - Ну да!
 - Да, да.
 - Но вы ошибаетесь, полковник, это ведь было не вчера, а позавчера.
 - Оставьте спор и покажите мне, где голая женщина? – молвил герцог.
 - Я думал, что она не стоит вашего внимания, ваша светлость, и убрал ее.
 - Достаньте.
 - Она вынесена далеко и завалена хламом.
 - Для чего же вы это сделали?
- Фебуфис улыбнулся и сказал:
- Я могу быть откровенен?
 - Конечно!
 - Я так много слышал о вашей строгости, что проработал всю ночь за перестановкою моей мастерской, чтобы только убрать нескромную картину в недоступное место.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.